

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Платон

Алкивиад I

Платон

Алкивиад I

Сократ. [...] Ты утверждаешь, что тебе не нужен никто из людей: мол присущее тебе величие - как телесное, так и душевное - таково, что ты ни в ком не нуждаешься. Ты считаешь, что ты - первый среди людей... Мнится мне, что если кто-нибудь из богов тебе рек: "Алкивиад, желаешь ли ты жить тем, чем жил прежде, или предпочел бы тотчас же умереть, коль скоро не сможешь рассчитывать на большее?" - ты избрал бы смерть. А если бы тот же самый бог сказал, что тебе следует править лишь здесь, в Европе, в Азию же тебе путь закрыт и ты не предназначен для тамошних дел, то, думаю я, жизнь была бы тебе не в жизнь на этих условиях, коль скоро ты не сможешь, так сказать, заполнить своим именем и могуществом все народы. Я утверждаю, что ты намерен в самый короткий срок выступить перед афинянами со своими советами. Смотри же, постарайся сказать, к чему тяготеет наилучшее при заключении мира и с кем следует сражаться во время войны.

Алкивиад. Но я, хоть и стараюсь, не могу этого уразуметь.

Сократ. Значит, ты не знаешь, какие взаимные обвинения выдвигаются при объявлении войны сторонами и с какими словами мы начинаем обычно войну?

Алкивиад. Нет, знаю: мы утверждаем при этом, что мы обмануты, ограблены либо потерпели насилие.

Сократ. Прекрасно. Что же ты посоветуешь афинянам - сражаться против обидчиков или против тех, кто действует справедливо?

Алкивиад. Вопрос твой коварен: ведь даже если кому-нибудь придет в голову, что следует воевать против тех, кто действует справедливо, афиняне на это не пойдут.

Сократ. В таком случае на мой вопрос, что является лучшим - воевать или нет, с кем именно воевать и в какое именно время, - ответом будет, что лучшее - это более справедливое. Не так ли?

Алкивиад. Кажется, так.

Сократ. Но как же, милый Алкивиад? Мог ли ты сам не знать, что ты это знаешь, или же ты скрыл от меня, что обучался этому у учителя, научившего тебя различать более или менее справедливое? Кто же этот учитель? Скажи мне, чтобы ты и меня мог определить к нему в ученики.

Алкивиад. Я думаю, мой Сократ, что афиняне, да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо, они считают, что это само собой ясно. Поэтому, отложив попечение о справедливости, они заботятся лишь о пользе дела. Ведь справедливое и полезное, как я полагаю, - это не одно и то же: скольким людям, чинившим величайшую несправедливость, это принесло выгоду, в то время как другим, хоть и вершившим справедливые дела, по-моему, не повезло.

Сократ. Так давай же, поскольку явно безразлично, убеждать ли многих или одного, поупражняйся на мне и попробуй мне доказать, что справедливое не всегда бывает полезным.

Алкивиад. Но клянусь богами, Сократ, я уже сам не понимаю, что именно я утверждаю; я оказался в нелепейшем положении: когда ты спрашиваешь, мне кажется верным то одно, то другое. [...]

Сократ. Ты ведь признаешь, что и относительно справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного, хорошего и дурного, полезного и бесполезного ты колеблешься в своих ответах? И не объясняются ли твои колебания тем, что всего этого ты не знаешь?

Алкивиад. Иначе и быть не может.

Сократ. С другой стороны, знаешь ли ты, каким образом можно взойти на небо?

Алкивиад. Клянусь Зевсом, вот этого-то я не знаю.

Сократ. И что же, колеблешься ты в своем мнении по этому поводу?

Алкивиад. Разумеется, нет. [...]

Сократ. Причина, мой друг, состоит в том, что, не зная этого, ты и не думаешь, будто знаешь. Берешь ли ты в толк, что ошибки в различного рода деятельности проистекают именно от такого заблуждения - когда невежда воображает, что он знаток? Алкивиад. Скажи, что означают эти твои слова?

Сократ. Разве мы не тогда беремся за какое-то дело, когда полагаем, что нам известно то, что мы делаем? Если же кто полагает, что дело ему неизвестно, он поручает его другим? [...] Значит такого рода незнающие люди живут, не совершая ошибок, ибо они поручают свое дело другим? [...] А кто же ошибается? Ведь не знатоки же? Ну а если это и не знатоки, и не те из невежд, что осознают свое невежество, то ведь не остается никого, кроме невежд, воображающих себя знатоками? [...] А ведь подобное непонимание - причина всех бед и невежество, достойное порицания? [...] И чем важнее вопрос, тем это невежество злокозненнее и позорнее? [...] Что ж, можешь ли ты назвать что-либо более важное, чем справедливое, прекрасное, благое и полезное?

Алкивиад. Разумеется, нет.

Сократ. А ты ведь утверждаешь, что колеблешься именно в этом? [...] Увы, мой Алкивиад, в каком же ты пребываешь тягостном состоянии! Я боюсь даже дать ему имя; однако, поскольку мы здесь одни, пусть оно будет названо: итак, ты сожительствоуешь с невежеством, причем с самым крайним... Вот ты и бросаешься очертя голову в политику раньше, чем успел этому обучиться. Но ты в этом не одинок: то же самое происходит со многими, берущимися за дело нашего государства, и можно назвать лишь несколько исключений, к которым, возможно, относится и твой опекун Перикл.

Сократ. Это те, Критон, кого Продик называет пограничными между философом и политиком: они воображают себя мудрейшими из всех и вдобавок весьма значительными в глазах большинства, причем никто не мешает им пользоваться у всех доброй славой, кроме тех, кто занимается философией. Поэтому они думают, что если ославят философов как людей никчемных, то уж бесспорно завоюют у всех награду за победу в мудрости. Ведь они считают себя поистине великими мудрецами, но, когда терпят поражение в частных беседах, сваливают вину за это на последователей Евтидема. Естественно, что они считают себя мудрецами, ибо в меру заимствуют у философии, в меру - у политики, и делают это на вполне достаточном основании: следует-де насколько положено приобщаться к тому и другому; при этом, оставаясь вне опасностей и споров, они пользуются плодами мудрости. [...] ...Люди, и все прочие вещи, расположенные на грани неких двух [начал] и причастные к ним обоим, когда находятся посередине между благом и злом, оказываются хуже блага и лучше зла...

Сократ. Ведь это прекрасное свидетельство знания своего дела - каким бы это дело ни было - если человек в состоянии передать свои знания другому. Алкивиад. Я с этим согласен.

Сократ. Ну а можешь ли ты сказать, что Перикл сделал кого-нибудь мудрым, например, своих сыновей?

Алкивиад. Да нет же, мой Сократ: ведь оба его сына оказались глупцами.

Сократ. На самом деле ты должен будешь брать пример... с людей... хватающихся за государственные дела, хотя, как сказали бы женщины, их души можно понять по рабской

прическе, настолько они невоспитанны и еще не отрешились от своей прирожденной грубости; варвары в душе, они явились сюда, чтобы угождать городу, а не управлять им. Итак, если ты хочешь вступить в подобное состязание, тебе надо брать пример именно с них, забыв о самом себе, об изучении всего того, что можно изучить, об упражнении во всем том, в чем надо упражняться, о любой подготовке, и вот таким образом взяться за государственное кормило.

Послушай же, милый, меня и того, что нечертано в Дельфах: познай самого себя и пойми, что противники твои... не такие, какими ты их себе мыслишь. Мы ничего не можем им противопоставить, кроме искусства и прилежания.

Но, Алкивиад, легко ли это или нет, с нами происходит следующее: познав самих себя, мы одновременно познаем заботу, в которой нуждаемся, а без такого познания мы никогда этого не пойдем.

Алкивиад. Мне кажется, ты прав. Сократ. Но попытайся объяснить мне, каким именно образом следует нам о себе заботиться?

Сократ. Быть может, мы уже сделали к этому первый шаг: мы пришли к надлежащему согласию относительно того, что мы с тобой представляем. Ведь было опасение, как бы, обманываясь на этот счет, мы нечаянно не стали заботиться о чем-то другом, а не о себе. [...] А затем мы поняли, что надо заботиться о душе и именно на нее обращать внимание. [...] Ну а заботу о наших телах и имуществе следует предоставить другим.

Алкивиад. Само собой разумеется.

Сократ. Каким же образом мы все это яснее познаем? Ведь познав это, мы, очевидно, познаем себя самих. Но во имя богов, постигли ли мы значение прекрасной дельфийской надписи, о которой мы вспоминали недавно?

...Предположим, что изречение это советовало бы нашему глазу, как человеку: "Увидь самого себя!" Как восприняли бы мы подобный совет? Не так ли, что глаз должен смотреть на то, что позволит ему увидеть самого себя? [...] Следовательно, если глаз желает увидеть себя, он должен смотреть в другой глаз, а именно в ту его часть, в которой заключено все достоинство глаза; достоинство это - зрение. [...] Значит, мой милый Алкивиад, и душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души - мудрость, или же в любой другой предмет, коему душа подобна. [...] Можем ли мы назвать более божественную часть души, чем ту, к которой относится познание и разумение? [...] Значит эта ее часть подобна божеству, и тот, кто всматривается в нее и познает все божественное - бога и разум, таким образом лучше всего познает самого себя. [...] И подобно тому как зеркала бывают более чистыми и сверкающими, чем зеркало глаз, так и божество являет себя более блистательным и чистым, чем лучшая часть нашей души. [...] Следовательно, вглядываясь в божество, мы пользуемся этим прекраснейшим зеркалом и определяем человеческие качества в соответствии с добродетелью души: именно таким образом мы видим и познаем себя.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](http://BooksCafe.Net)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)